

«Выходя за грань, будь готов умереть».

Солнце, жара и духота, вот три спутника любого каравана в пустыне. И тем удивительнее слышать о том, как же людей трясет от холода, стоит главной звезде спрятаться за горизонтом. Вместо неё, небо, в попытке вернуть яркое величие, являет миру россыпь новеньких звёзд.

Около недели оставалось до прибытия небольшого каравана из бывших рабов в город демонов. Демонический континент не мог славиться своими сияющими городами. В отличие от иных материков, место где не главенствует людская длань, не особо понимало значения слова «сплоченность». Настоящие города здесь являлись чем-то редким, и чаще, незатейливому путнику будут попадаться отдельные комунны, в которых проживают одного вида демоны.

Место, куда держали путь повозки являлось главным портовым городом целого континента! Оно просто не могло не быть сосредоточием всей демонической культуры, его центром, его алмазом. А потому, даже обычный, ничем не примечательный муж из труппы Роулза, ощущал прилив бодрости. Ещё несколько дней, а дальше, они вернуться домой, к родной зелени и забудут все что здесь происходило как страшный сон.

Впрочем, некоторых, континент демонов ещё будет мучать кошмарами долгое время, но сейчас не до этого.

Без провизии, кучке людей в жарком климате, ловить нечего. Но даже если она есть, провизию надо как-то делить между всеми. Не только люди, но и транспорт в виде огромного ящера нуждался в кормёжке.

Его люди кормили с достатком, лишь бы не переживать за собственную безопасность. Когда хищный глаз рептилии опасно следует за тобой уже с минут пять, тут выбирать не приходится, и затягивать пояс потуже являлось вполне рабочей стратегией для всех в группе.

Чёткой иерархии между бывшими рабами не наблюдалось, и ниша благородного командира пустовато зияла дырой, с которой так и веяло напряжением.

Состоящие из слабовольных людей, на пост главы, а в контексте этого каравана «глава», был тем самым мессией, что без пререканий, ради блага народа, отрежет и руку, лишь бы народ не голодал. Ведущего за собой выбирали по дивному цивилизованно и демократично, видимо подзабыв, какую некрасивую ношу они скидывали на победителя. И главой, капитаном и временным направляющим, оказался старик Роулз.

Тридцать лет, не столько преклонный возраст, чтобы считать кого-то старым, тем более, муж сей был полуэльфом, и Роулз только говорил на тридцать, а в чужом понимании ему было малые двадцать-двадцать пять.

Выбрали голодного эльфа, то ли из-за внешности, ведь как показала практика, он был сильнейшим из всех, то ли из-за его причастности к Нилрему.

Последний кстати, исполнив обещание, утратил сознание, и сейчас лёжа едет в карете. Роулз ощущал горькое противоречие, как и некоторые из мужей, считайте бывших рабов.

Как знакомый, Роулз не мог понять, с чего Нилрем подверг себя подобной опасности, и почему вообще взялся за дело. Он не был вместе с той бедной женщиной, которая за последние два дня расцвела и без дополнительной еды, но категорически осуждал людей, которые были слишком трусливы дабы переубедить её в живости младенца.

Сошедшее на землю чудо, а по другому его не назвать, только сильнее путало мысли и чувства Роулза.

— Получается, младенца все же можно было спасти.

— Ты бы знал, как я рад, благо Милиса, у меня как камень с души спал.

— Это конечно да, но все же, ты слышал когда-нибудь о такой магии? Тот малыш ведь был мертв, я своими глазами видел! Парень, он... Он же не сделал ничего противозаконного? Как на его «чудо» отреагирует церковь Милиса?

— А это...

Разговор мужей слабых, начинался обыкновенно. Со слов о жаркой погоде, он плавно перетекал к обсуждению длительности пути, да историями с жизни. Но вот, на уши Роулза попали слова о знакомом малыше. Пропустить такое сложно, и как только разговор перешел красную зону, полуэльф тут же вмешался.

— Церковь никак не отреагирует, — свою речь, Роулз решил начать с мягкости, не собираясь цапаться с явным последователем религиозного течения.

— Но ведь...

— То, что вы видели, останется лишь в вашей памяти. Постарайтесь запомнить, новорожденный от Карлы остался в живых благодаря доброте демонов, — данные слова показались абсурдом не только слушающим, но и тем, кто их говорил.

— Это же бред!

— В него куда более охотно поверят, чем в то, что девятилетний парень, оживил человека магией.

— Прошу, думаю скрывать такой талант парня, неразумно. В церкви он добьется большого положения, скажите, по вашим действиям, понятно, что вам он знаком, кто его родители?

Роулз сморщил свой лик, словно съел неспелый фрукт, но быстро слизал с себя это выражение ладонью, которой провел по лицу.

— Думаю такой сильный маг, вправе сам решать, куда отправиться. Не вам, слабым душой людям, желать ему добра.

Иногда слова имеют в себе силу. Двое мужчин отступили на шаг, понутив головы и потупив взгляды в землю.

Они были из тех, у кого сохранилась мораль, на которую и давил Роулз.

«Те, кто даже собственной жизнью распоряжаться не могут, не имеют права наказывать другим», таков был подтекст полуэльфа.

Часом позже, уже на привале, где главным поваром оказалась единственная женщина — Карла, Роулз ненароком застал себя за тем, как меланхолично он вглядывался и в её светлый образ, и как приятно глазам купаться в её счастливых лучах.

Женщина, которой вернули здорового и живого младенца пребывала на седьмом небе от

счастья. Она перестала вовсе замечать все негативные стороны остальных людей. Ведь, наверняка же должна затаиться на них злоба, за то, как они с сочувствующим взглядом просили её сдаться, опустить руки и закрыть глаза. Никто не решался напрямую сказать ей о смерти ребёнка, но очень многие, не от плохих мотивов, всячески намекали ей на случившееся горе. Их неаккуратные намеки могли только больше вводить опечаленную даму в отчаяние.

И что ей эти намеки, если рядом с Карлой сейчас крутится демонесса Киширика с живым младенцем на руках. Насколько понял Роулз, девочка эта, дружит с Нилремом.

Карла заботилась не только о себе и своем дитятке. Дама, по-другому никак, взяла на себя и Мари, что осталась в карете, и Нилрема, который вот уже второй день отказывался красить мир своими открытыми и ясными глазами. К последнему она лелеяла особые, материнские чувства. Поскольку у демонов была только жёсткая пища, а кормить Нилрема как-то нужно было, Карла была и рада, отблагодарить спасителя младенца, своего спасителя тем, чем только могла. Её тело, под закат первого дня свободы чудесным образом возвращалось к природному началу. Покормить грудью, которая начала лактацию, стоило хорошенько поесть и привести свое эмоциональное состояние в порядок, для Карлы не составило труда.

Что ж, такое экстравагантное кормление было вынужденной мерой, ничего больше.

Образ Нилрема и его отца Пола у Роулза слабо вязался. Едва ли последний возьмётся спасать незнакомца, но, верно будь ситуация в его силах, помог бы.

Сперва глаза полуэльфа усмотрели вдаль, на самой линии горизонта что-то голубоватое, там, по заверении демонов рабов и Киширики находился портовый город. Это обнадеживало и даровало душевный подъём как никогда. После, охотник поднялся и прошёл к девушкам, которые подобили дочери и матери.

— Могу я чем-то помочь? — ещё совместно с женой, Роулз мог похвастаться навыками совместной готовки в четыре руки. Сложностей у мужчины, с этой конкретной стезей, не было.

— А, да-да, — первой подбежала Киширика и нетерпеливо всунула Роулзу в руки младенца. — Посмотри за ним.

— Если вам не сложно, — тут же добавила мать малыша.

Роулз растерянно заморгал, только и зная, как безмолвно открывать рот.

— Не волнуйся, голубчик, его душа чистее белого ничто, можешь не волноваться, — демонесса повторила свое предупреждение дважды, правда полуэльфу от этого понятнее не стало. — Если все понял, то уходи, не мешай мне смотреть на еду.

Карла прыснула смешком в кулачок, продолжая мешать суп на медленном огне, и только тогда, мужчина серьёзно кивнул, отходя от котла и огня. Последнее, что он успел услышать, так это некий упрёк со стороны Карлы, которая спрашивала, о том, не кормил ли её господин маг всю тропу, на что Киширика ответственно заявляла о нежелании есть нечто, приготовленное руками Нилрема.

В руках полуэльфа находилось чудо. Первое чудо, которое он видел за свою жизнь. Неуверенность одолевала Роулза; вызывала ли его собственная дочь нечто схожее на то, что он ощущал, осматривая малыша? И дело не в родственных связях, а в том, что созерцая лик младенца, Роулз нутром чувствовал нарастающую надежду, которой в эмоциях ранее не было.

У малыша был маленький носик, тонкие губки и большие глаза. Особо умиляли его пухлые, налитые румянцем щеки. Малыш не плакал, как это бывает, стоит покинуть маму, он с интересом разглядывал чужеродный для него мир.

— Говорят, мёртвым не рассказывают сказки...

Сегодня Роулз собирался рассказать мертвецу о чудном мгновении, и небольшой сказке, которую когда-то рассказывал Сильфiette.

— А начиналась она так...

— Бог мой сатана!

Самый лучший, самый умный, самый сильный и ещё много раз «самый», соизволил проснуться.

Свое пробуждение Нилрем бескомпромиссно обозвал: «Отвратным». Его болела спина, стучало в висках и сохло во рту.

Приняв положение сидя, Грейрат на секунду остановился от дальнейшего подъёма на ноги, чувствуя на языке странноватый привкус.

— Что за... — несколько распробовав его, но не придя к выводам, парень списал все на длительную кому, в которую он и упал, после одного заклинания.

Опуская все подробности и невероятный подвиг, который совершил мальчик, было чётко понятно. Больше это заклинание никогда не будет произнесено.

— И это лежало в моем мире... — ухватившись за щеку, Нилрем потянул ее, убеждаясь в реальности. — Хорошо, что маны ни у кого там нет.

Впрочем, кто знает. Возможно большое количество маны и привело к таким последствиям. А соберись, например, миллион людей и молись они о создании души...

— Хреновая тема для моей головы.

Она и разболелась, стоило только помянуть чёрта, как он стоит на пороге с ножом.

В силу собственного самоощущения, мальчик не сразу приметил в углу человека. Будто серая мышка, что решила мимикрировать под обстановку, девочка, приблизительно на несколько лет старше Нилрема, безучастно заглядывала в окно. На удивление, после того, как парень принялся, от неё не особо тянуло прошлым занятием. Бытие рабом, как считал Нилрем, всегда сопровождается грязью. Выводы строились на том, что он видел ранее. Кручер, бывший капитан, жалел деньги, и вода попадала в их руки лишь чтобы выпить.

— Сколько я спал? — заметив тишину за окном, Нилрем решил узнать подробности собственного положения. Впрочем, маленькая девочка не собиралась открывать рот. — Эй.

Нилрем прямо обращался к человеку, а тот и бровью не повёл. Всем нам известно, игнорировать Нилрема, затея не лучшая. И пускай вышло это из простого недопонимания.

— Ты меня слышишь? Ало-о?! Приём!

Тело маленького мага изнывало от тупой, но тихой боли. Подняться для Грейрата, оказалось задачей со звёздочкой, достаточно проделать мелкие манипуляции, подниматься не обязательно. Нилрем подполз к девочке и ещё громче накричал на неё. Не обращая собственное важное внимание, на творившихся странностях, он взял в ладонь подбородок Мари, и вновь заговорил.

— Как тебя зовут? Имя и фамилия. Молчишь? Ты совсем глухонемая что-ли?

«Нет», не сразу сообразил Нилрем. Лишь в это время он заметил пустующий взгляд красных глаз. Повертев её личико, то влево, то вправо, Нилрем приближал и отдалял свой собственный лик. Пытаясь рассмотреть получше ту пустоту в глазах, он хмурил брови и смотрел прищуром. Не удержав псов любопытства, он лизнул щеку Мари, и лишь за сим выдал свою оценку.

— Человек.

Старательно убеждаясь в человечности существа перед ним, парень не понимал в чем причина такого рода действия.

Он поочередно зажигал маленькие огоньки у её глаз, проверяя реакцию, закрывал глаза ладонью, чтобы видеть, как после, те сами открываются.

— Что с тобой случилось? Любая другая женщина, давно зарекла меня ненормальным, а ты так и молчишь. Ты вообще со мной в одной вселенной?

Ещё где-то пять минут у гениального мага ушло на то, чтобы заметить отсутствие того, то необходимо иметь.

В большинстве семей рождаются дети, обладающие рядом неоспоримых красот. Задумываясь о привлекательности, нам, часто бывает, говорят о том, как все это субъективно, и что одного конкретного шаблона, для красоты нет. Она многогранна и до омерзения разнообразна.

Впрочем, для подавляющего большинства, наличие основных признаков красоты играет не последнюю роль. О каких признаках речь? О самых обычных, таких как руки и ноги в количестве двух штук. Будь у вас три ноги или четыре глаза, и вырасти к примеру ухо на лбу, красивым вас назовёт искусный лжец, конченный фетишист, или просто слишком вежливый трус.

Нилрем ненавидит все уродливое. Даже его создания должны были пройти небольшую хирургию лица, что уж говорить о девочке, у которой не было ног.

Их просто отрезали, впрочем, по обрубкам, которые непроизвольно коснулись руки парня, Нилрем мог предположить о том, как происходил процесс резки. Первые несколько секунд ноги резали чем-то острым, а после, рвали силой.

— О-о... — рука, которая невольно коснулась обрубка, тут же оказалась плененной слабым захватом. — Не нравится, да? Сломанная кукла решила показать свою волю?

Старший из братьев Грейрат, подметил одну закономерность. Девочка не думает, вернее, просто перестала сама обрабатывать цепи информации. Мари закрылась в чёрной коробке. Тогда этот захват был сделан рефлекторно.

Опустив брови, юному магу не оставалось больше выбора, кроме как отступить на время. Он ещё и сам не восстановился, а других поднимать на ноги, так и подавно.

«Она не моя проблема...» Нет, Нилрем не собирался решать проблемы всех подряд. Отпустив подбородок Мари, он со скрипом вылез из повозки.

Ноги бесперебойно ощущались набитым мешком с иголками, которые за каждое действие, приносили слепую боль.

Только держась за повозку, как если бы это были костыли, ему удалось увидеть костёр, а вместе с тем в нос ему ударила палитра приятных запахов.

Во рту мальчика, тут же собралась дикая и неконтролируемая слюна. Конечно, он был голоден подобно гепарду. Но идти без опоры невыносимо тяжело, а падать на половине пути значило больше не подняться. Пройдясь глазами по ещё не заметившей его компании мужиков, взгляд остановился на женщине.

— А там она была? — тихо, с лёгким удивлением, спросил сам себя Нилрем. — Да, была, она мне ребенка выдала... Но это же, другая женщина...

Преображение Карлы, поистине не зазорно назвать «феноменальным». Нилрем ожидал увидеть все тех же, голодающих и невежественных рабов, которые ждали бы его стоя на коленях. Только вот, все веселятся, едят, празднуют в меру возможности. Карла варит, мужики отвлечённо обговаривают что-то и хохочут, Нилрем и Киширика, со слюной, которая собирается переполнить рот, наблюдали за едой.

— Нилрем, — к парню радостно обратились, и он обернулся на звук.

Прочитав во взгляде Роулза, беспокойство, пускай охотник и держал в руках младенца, он отчетливо тянулся телом к Грейрату, дабы подать ему свое надёжное плечо.

— Я в норме, — и пусть «норма», лежала далеко за горизонтом, Нилрем не пропускал сквозь себя жалость.

— Не нужно себя перетруждать, — Роулз держал на лице доброжелательную улыбку. В частности, такая улыбка держится благодаря одному парнишке перед его глазами. — Мне тоже хочется быть полезным.

— Опустить свою лесть, не ради вас старался, — хмыкнув, Грейрат поднялся из полусогнутого положение. Тело готово натурально трястись от боли, но разум заставил его стоять твёрдо и ровно. — Если так лучишься желанием помочь, скажи, как все прошло и где мы сейчас.

— О, конечно, как без этого, — понимающе кивнув, Роулз нашел скалу, на которую и присел, вместе с малышом. — Как ты знаешь...

Пройтись вольным шагом по словам, для Роулза оказалось тем, что тот желал проделать ещё с момента как неделями сидел в клетке. Мари не самый приятный собеседник, она ничем не отличалась от пустоты, в которую можно говорить вечно.

Мужчина, на удивление Нилрема, прослыл слишком большим словоблудом. Он прошёлся от своего попадания, так и до самого заточения. И только после, слова Роулза свернули налево и начали подавать интересную информацию.

— Как видишь, распределение ролей уже свершилось. Карла взяла на себя женские обязанности, мужчины — мужскую.

— А ты взял на себя профессию горничной? Или как пояснишь ребенка на руках?

И Роулз пояснил, вернее хотел пояснить. Он успел важно поднять палец, открыть рот и даже выдать слово: «Нет...», только далее малыш начал хмуриться что предшествовало плачу, и мужчина остановился, опустив палец обратно к новорождённому, отчего последний взял палец в ручки и успокоился.

— В общем, можно и так сказать, — тяжело выдохнув, Роулз признал, что его должность в маленьком коллективе отнюдь не «бдить и говорить», по сути, руководитель и лидер, разные понятия, при чем первый — лишь формальные названия «козла отпущения». — Но, как видишь, пока что все в порядке. Вон там за горизонтом уже море виднеется, сейчас стемнело, не увидишь конечно, но поверь, настрой у нас отличный.

— Настрой важен.

«Ведь даже самые верные псы сгрызут хозяина, когда будут голодны и избиты», смотря на это с такой точки зрения, переворот демонов, казался Нилрему закономерным итогом.

Тронув собственную грудь, он бросил недовольный взгляд на источник его пустоты.

— Чего? — заметив этот явно зло настроенный взгляд, Роулз несколько остолбенел. Не понимал отец, как можно злиться на новорождённого. — Не хмурься так, считай его своим, ведь ты его спас.

— Точно.

Быстро бросил в ответ Нил, отворачиваясь и думая совсем в другом ключе.

«Он меня чуть не угробил».

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3114585>